

Прямое Действие

2013, № 34

Издание секции Международной
ассоциации трудящихся в России

РОССИЙСКАЯ РЕЗНЯ НОЖНИЦАМИ

Когда-то Салтыков-Щедрин называл Россию страной, где буйствуют начальники. С тех пор прошло почти полтора века, но в этом отношении мало что изменилось. Все так же нагла и беззащитна власть. Все так же цепенеют в тоске и безнадежном бессилии простые люди, не знающие, как

остановить беспредел начальников.

Российским правителям пора поменять свой герб. Двухголовому пернатому мутанту впору вложить в лапы огромные окровавленные ножницы. Ибо власть имущие режут по-живому все, что только могут - разумеется, за исключением

собственных прибылей и привилегий. Урезаются социальные гарантии, расходы на здравоохранение и образование, трудовые права, гражданские свободы... На все общество в целом перенесены принципы и критерии "экономической эффективности", любая деятельность, любая отрасль и сфера

жизни должна приносить прибыль. Иначе им нет и не может быть места в современной России!

Бывший полковник КГБ Владимир Путин вновь избираясь президентом в 2012 году обещал улучшить условия жизни людей, сохранить социальные гарантии и даже туманно намекал если не на пересмотр результатов приватизации 90-х годов, то уж, во всяком случае, на то, что заставит богачей слегка раскошелиться. За это его с раболепным усердием поддержали чиновники из официальных профсоюзов ФНПР. Но как только он заново воссел на трон, то, как и следовало ожидать, разом позабыл обо всех обещаниях. И дело не только в том, что власти поспешили заверить: никакого пересмотра приватизации, никакого прогрессивного подоходного налога или налога на богачей не будет и быть не может. Новый-старый режим демонстрирует уродливое сочетание консервативного национализма с церковно-черносотенным привкусом и неолиберальной программы истерических сокращений расходов на социальные нужды во имя прибыли любой ценой.

В зарубежной Европе урезания проводятся со ссылкой на экономический кризис. Именно под этим соусом сокращаются зарплаты и пенсии, разрушаются общедоступные образование и медицина в Испании, Португалии, Греции и других странах. В России, где официально отрицается наличие кризиса, такой предлог не нужен. Власти действуют по принципу "Да, мы оборзели - и чё?!"

Чьи интересы в действительности защищает государство в России, отчетливо показал российский МИД, когда в апреле 2012 года пошёл на беспрецедентный шаг. Он официально потребовал от гвинейского правительства силой подавить забастовку рабочих на алюминиевом заводе "Фригия", принадлежащем российскому концерну РУСАЛ.

Социально-экономическая политика российского режима, как и остальных государств, сводится сегодня к гигантскому грабежу - перекачиванию средств из карманов трудящихся на счета богачей: предпринимателей, банкиров и чиновников. Правительство заявляет, что продолжение и ускорение приватизации является одной из его главных и первоочередных задач. Корпорации получают все новые льготы и кредиты. Государственные и смешанные компании тратят многомиллиардные суммы на приобретение акций. Так, "Роснефть" объявила о покупке доли консорциума AAR в ТНК "Бритиш Петролеум" за 61 млрд. долларов. "Российские железные дороги" купили у "Пежо-Ситроен" 75% акций компании GEFCO на сумму в 800 млн. евро. Это не мешает железнодорожному начальству систематически жаловаться на нехватку средств, требовать из казны миллиарды рублей, отменять поезда и угрожать отменить льготы на проезд учащихся.

Государственный бюджет на 2013 год предусматривает рост военных расходов на 26%, на ФСБ и другие органы "безопасности" - на 9%. В то же время сокращаются расходы на такие социальные нужды, как здравоохранение (на 8%, а к 2015 году - на 18%) и образование (3%). Компенсировать

эти средства власти предполагают из бюджетов регионов. Но у большинства республик, краев и областей денег и так не хватает. А значит - щелк, ножницы, щелк...

При составлении государственного бюджета у неискушенного зрителя может создаться впечатление, что правая рука в правительстве не ведает, что делает левая. Скажем, министерство финансов сетует на нехватку средств на выплату зарплаты, пенсий и льгот и разрабатывает планы сокращения расходов, а другие ведомства просят "верхи" призвать министров к порядку и выделить деньги. Министерство труда предлагает увеличить возраст выхода на пенсию, а президент с премьером заявляют, что они против подобных мер. На самом же деле, на наших глазах разыгрывается самый настоящий спектакль. Роли давно распределены заранее. Все ведомства и службы, отвечающие за социальные нужды, получили жесткую и недвусмысленную установку: сокращать расходы любой ценой и где только можно. Экономить. Урезать. Щелк, ножницы, щелк... По людям, по будущему, по здоровью, по жизням...

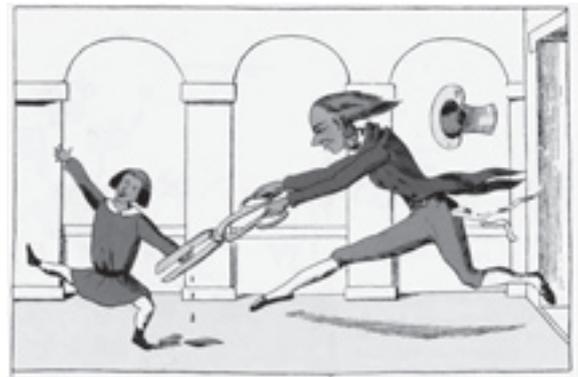
Наиболее болезненно эти урезания уже сказываются в сферах образования и здравоохранения. В условиях "образовательной реформы" детсады, школы и вузы обязаны экономить и зарабатывать деньги. Государство покрывает лишь самый "необходимый" объем расходов. На практике это означает коммерциализацию всего образования с самых первых его этапов до последних. С 2013 года родители должны платить за "присмотр и уход" за их детьми в дошкольных учреждениях, причем родительский вклад может составлять уже не 20%, а все 100% затрат детского сада. Во многих садиках уже развернулось сокращение дополнительных и развивающих программ. Школам государственные деньги будут выделяться в зависимости от их "результативности", уменьшается число обязательных предметов; все, что сверх, - может стать платным. Набирает обороты процесс "слияния" школ и их объединения в образовательные "холдинги", что не только создает массу чисто житейских неудобств (например, удлиняет путь до школы), но и увеличивает нагрузку на учителей, раздувает классы и ухудшает тем самым качество среднего образования. Введение ЕГЭ привело к гигантскому взлету школьной коррупции. Требования, предъявляемые к выпускнику, желающему поступить в вуз, не соответствуют школьной программе, так что в реальности в обычных школах к такому поступлению вообще не готовят.

Настоящему разгрому подвергается высшее образование. Министерство образования и науки объявило "неэффективными" десятки вузов, которые теперь подлежат закрытию или "реорганизации". Для многих регионов это станет ощутимым ударом. Несмотря на все обещания, преобразования приведут к тому, что енемалое число преподавателей останется без работы. Одновременно сокращается число "бесплатных" мест в высших учебных заведениях. По новому

закону об образовании, вводится "возрастной ценз" для желающих учиться на бюджетных местах в университетах и институтах: не старше 30 лет. В течение ближайших лет число "бесплатных" студентов сократится со 170 до 132 на 10 тысяч населения. Министр образования Ливанов не скрывает своих долгосрочных целей: еще до официального вступления на пост он заявил, что, по его мнению, образование должно быть платным. "Верхи" единодушны: стране "не нужно" такое количество людей с высшим образованием. А глава ЛДПР Жириновский, частенько рискующий озвучить то, о чем более уважаемые политики думают, но предпочитают не говорить вслух, высказался еще циничнее: такое количество "умников" может быть опасно.

Так обстоит в современной России с правом на будущее. Но этого мало. Под вопросом оказывается и само право на жизнь.

Официально бесплатные медицинские "услуги" (на самом деле, по "страховке") в принципе вроде бы не отменяются. На самом деле, с 1 января 2013 г. учреждениям здравоохранения легально разрешено и даже поручено "зарабатывать деньги". Количество гарантируемых и оплачиваемых за счет бюджетных средств процедур ограничено, за все, что "сверх", нужно платить. Параллельно власти закрывают

"неэффективные" больницы, поликлиники и даже роддома, оставляя без необходимой помощи целые населенные пункты. Часто щелканье ножниц сопровождается заверением в том, что вместо них будут построены новые корпуса, но верить таким обещаниям не приходится. Характерно, что вся операция осуществляется в интересах частных фирм-застройщиков. Так, в Москве в конце 2012 года были закрыты 8-я инфекционная больница, 12-я детская инфекционная больница, инфекционный корпус 4-й Градской больницы, детский глазной санаторий при Морозовской больнице и многие другие учреждения. Настоящий скандал разгорелся в Ярославской области, где администрация закрыла роддом в поселке Борисоглебский, который работает и на все окрестные села и поселки. Теперь женщинам придется ездить рожать более чем за 100 км. и не факт, что все успеют и доедут благополучно. Отчаявшиеся женщины, включая беременных, в знак протеста захватили закрываемый роддом. Против послали ОМОН, который лишь чудом не приступил к своим привычным действиям! На переговоры к протестующим никто не явился, и их отчаянная акция так и закончилась ничем...

Социальный смысл политики урезаний

станет еще яснее, если мы сопоставим широко введение "платности" всего и вся с позорно низким уровнем зарплат в России - одним из самых низких в Европе. В Москве средний заработок, по официальным

**Щёлк, ножницы, щёлк!
По здоровью, по
будущему, по жизни...**

данным, якобы превышает 40 тысяч рублей в месяц, но эта цифра - все равно что "средняя температура по больнице" между инфекционным отделением и моргом. в столице сосредоточены богачи и высокооплачиваемые специалисты, что отнюдь не уменьшает нищету тех, кто получают в несколько раз меньше этой суммы. В провинции ситуация намного хуже. Здесь не редкость учителя, которые зарабатывают всего 10-12 тысяч рублей в месяц, или врачи, чей заработок не дотягивает и до 14 тысяч. Провинциальные цены часто не ниже столичных, так что прожить на эти деньги почти невозможно. А уж если еще и платить из этих жалких крох за лечение и образование...

Антисоциальные реформы в России - это не просто результат неумеренной жадности прибыли или рьяности идеологических фанатиков "свободного рынка". В какой-то мере, это осознанная политика, цель которой - ликвидировать общедоступность здравоохранения и образования. Право на будущее, на развитие личности, на здоровье и саму жизнь должны стать исключительным достоянием богатей, имущих классов. Нам, обыкновенным трудящимся, в этих "мелочах" отказано!

Против нас, "низов", идет настоящая классовая война "сверху". Нас не только грабят и унижают. Случается и так, что на нас охотятся - в прямом смысле слова, просто забавы ради. В 2012 году в СМИ неоднократно появлялись сообщения о молодых "мажорах", которые, нахлеставшись алкоголя или "под кайфом", гоняли на бешеных скоростях на своих роскошных автомобилях, насмерть давя несчастных прохожих, дорожных рабочих или даже водителей более скромных машин...

Реакция в России наступает по всем фронтам. Депутаты государевой Думы штампуют один безумный закон за другим. То общественные и некоммерческие организации, имеющие международные контакты, обязываются регистрироваться в качестве "иностранцев" (хорошо хоть не прямо "шпионов"). То повышаются штрафы на "несанкционированные" демонстрации, пикеты и акции протеста - до уровня, в десятки раз превышающего среднюю зарплату в российской провинции. То запрещают усыновление детей-сирот из России иностранцами - очевидно, сплошь без исключения хитрыми и злобными созданиями, помышляющими только о том, чтобы нагадить "великому русскому народу". Законодательные органы регионов и областей принимают законы дискриминации сексуальных меньшинств, а администрация компаний (например, "Евросети") использует мнимую или реальную принадлежность к этим слоям для расправы с рабочими активистами. И в Госдуме уже внесен проект закона, который предусматривает строгое наказание за критику религии и церкви.

Активизация клерикалов, церковников и мракобесов - одно из наиболее очевидных проявлений реакции. Националистически

настроенная РПЦ открыто объявляет "русский народ" своей "традиционной" собственностью, а себя - носителем и хранителем "национальных ценностей". Эти ее притязания встречают открытую поддержку и поощрение со стороны властей. Союз правительства и РПЦ поинквизиторски расправился с девушками из музыкальной группы "Пусси райот", которые посмели спеть антиклерикальные куплеты в московском соборе. Их на годы бросили за решетку, обвинив в том, что они оскорбляют религию и верующих своим... феминизмом. РПЦ давно и откровенно выступает против равноправия женщин и заявляет, что они "не равны" мужчинам. Церковники все активнее проникают в сферу образования. В университетах они открывают свои кафедры. В школах, несмотря на формальное отделение церкви от государства, введена возможность преподавания религии (под прикрытием "культуры"), причем священнослужители получили право сами вести такие уроки либо надзирать за ними. В населенных пунктах, включая Москву, реализуется программа строительства сотен новых "храмов шаговой доступности", в том числе на месте зеленых насаждений, парков, площадок для прогулок и игр. Такова сегодняшняя Россия - страна, где закрываются школы, университеты и больницы, но открываются церкви.

**"Из города Глупова в Умнов
дорога лежит через Буянов,
а не через манную кашу"**

Эта простая истина, выраженная в словах Салтыкова-Щедрина, к несчастью, все еще неведома российским трудящимся. В Москве и Питере весь 2012 год можно было наблюдать пустопорожние шествия, организованные политической оппозицией и возглавляемые представителями "успешного класса", которые обижены тем, что нынешний режим не дает им в должной мере развернуться. Среди требований этих "белых лент" было бы тщетно искать призывы действительно изменить проводимую социальную и экономическую политику, прекратить разрушение общедоступной медицины и образования. Некоторые

трудящиеся "столиц" позволили увлечь себя динамикой суеты ради смены шила на мыло - как будто не все равно, какие имена и фамилии носят те, кто правят нами и над нами издеваются! В "провинции", где социальные проблемы еще острее, люди цепенеют в мрачном молчании. Их не привлекают "белоленточные" марши, потому что они понимают, что там нечего искать. Но и отстаивать свои реальные права и интересы они почти не решаются.

На митинги, посвященные социальной тематике, выходят в лучшем случае по несколько сотен человек, да и то значительное долю среди участников составляют те же политические активисты. Действительно независимых гражданских и рабочих инициатив крайне мало. Как только где-то начинает назревать что-то похожее на протест, немедленно, как саранча, налетают "партийцы", которые пытаются подчинить недовольных себе и использовать их выступления в своих интересах.

Тем не менее, реальность такова, какова она есть. Сидеть и ждать, что положение людей труда улучшится само по себе, не приходится. Чем мы молчаливее, тем наглее власть имущие и богачи. Они явно намерены продолжать щелкать ножницами, и не прекратят этого занятия, если им не помешать. Цены растут беспрерывно. Все громче поговаривают о грядущей и неминуемой пенсионной реформе: внесенные чиновниками предложения предусматривают повышение пенсионного возраста или драконовское увеличение рабочего стажа, необходимого для получения пенсии. И то, и другое будет означать, что пенсии станут привилегией очень небольшого числа счастливых - остальные рискуют до них вовсе не дожить.

За свои права и интересы надо бороться. Иного пути, иного выхода у нас нет. 2012-й был для трудящихся "потерянным" годом. Пока потенциал социального недовольства растрчивался по мелочам, власти "под шумок" усилили свой натиск, и остановить их наступление пока что не удастся. В классовой войне по нам открыт шквальный огонь, но люди реагируют робко и вяло. Тем не менее, очаги социального сопротивления появляются то там, то тут. Искры недовольства тлеют. В различных местах вспыхивают забастовки, жители протестуют против закрытия больниц и поликлиник, учащиеся и преподаватели приходят на митинги против реформы образования, население выступает против "храмов шаговой доступности"... Все это, конечно, пока не ломает ножницы, но потихоньку притупляет их острие. Мы должны стать той ржавчиной, которая разест безжалостный инструмент "российской резни", поддерживать очаги сопротивления против социальной политики власть имущих - государства и капитала, пытаться соединить эти островки вместе, придавать им импульс и помогать их высвобождению из-под влияния партий, политиков, бюрократических структур. Верно, что тот, кто борется, может проиграть, а тот, кто не борется - уже проиграл заранее. Но если участники борьбы не контролируют ее ход, не решают все основные вопросы, касающиеся требований, условий, форм и методов действий, на своих общих собраниях, если они отдают свою судьбу на откуп политиков и чиновников - у них очень немного шансов на победу.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

По данным Центра социально-трудовых прав (ЦСТП), в 2012 году в России было отмечено не менее 276 акций протеста трудящихся. В 2011 году их число составляло 262, в 2010 году – 205. По количеству выступлений лидируют Центральный и Дальневосточный округ. Несколько сократилась доля протестов в промышленности, и возросла доля протестов на транспорте. Основными причинами для недовольства работников остаются задержки с выплатой зарплаты, низкий уровень зарплаток и произвол администрации. По статистике, около 40% выступлений являются самоорганизованными или стихийными, 43% организуются низовыми отделениями профсоюзов, 26% – с участием вышестоящих профсоюзных структур.

Характерно, что доля забастовок и иных форм прекращения работы с 2010 года сократилась с 43% до 34% (за 11 месяцев 2012 года). Как отмечают эксперты центра, «рост числа трудовых протестов происходит не за счет акций, которые традиционно называют «забастовкой». Это иные акции, немалая часть которых вообще проходит мимо работодателя и адресована каким-то внешним адресатам, прежде всего властям. Классическая форма трудового конфликта в виде забастовки, т.е. акции связанной с остановкой работы, нанесением экономического ущерба работодателю, оказывается нераспространенной». Иными словами, российские трудящиеся по-прежнему боятся бастовать и предпочитают бить челом «батьшке-царю». То есть чиновникам государства.

Весьма незначительным остается число радикальных акций протеста. Доля захватов предприятий среди всех протестных действий составила в первой половине 2012 г. 1% (3% в 2010 г., 0,5% в 2011 г.). Таким образом, уровень классового сопротивления в современной России по-прежнему невысок.

«Трудящийся класс и класс хозяев не имеют друг с другом ничего общего. Не может быть мира до тех пор, пока над миллионами трудящихся властвуют голод и нужда, а немногие, составляющие класс хозяев, обладают всеми благами жизни. Борьба между этими двумя классами должна продолжаться до тех пор, пока трудящиеся всего мира не организуются как класс, не вступят во владение средствами производства, не ликвидируют систему наемного труда и не заживут в гармонии с Землей». («Индустриальные рабочие мира»)

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ

**НАМ НЕВАЖНО, КАКАЯ КЛИКА БУДЕТ ФОРМИРОВАТЬ
ПРАВИТЕЛЬСТВО - НАМ ВАЖНО ЖИТЬ ЛУЧШЕ!**

Мы требуем реальной свободы собраний, митингов, забастовок, профсоюзной деятельности!

Мы требуем прекращения антисоциальной политики: политики низких зарплат и систематического снижения реальных доходов широких слоев населения, разрушения социальных гарантий, коммерциализации образования и медицины, приватизации, постоянного повышения цен...

Мы требуем прекратить «экономические реформы», от которых предприниматели, банкиры и чиновники богатеют, а обычные люди беднеют все больше и больше. Все эти меры должны быть отменены немедленно!

Мы требуем отменить позорный закон против «экстремизма», прекратить произвол явной и тайной полиции, мелкого и крупного начальства: людям нужны права, а не репрессии и поборы! Наши города и села – для жителей, а не чиновников!

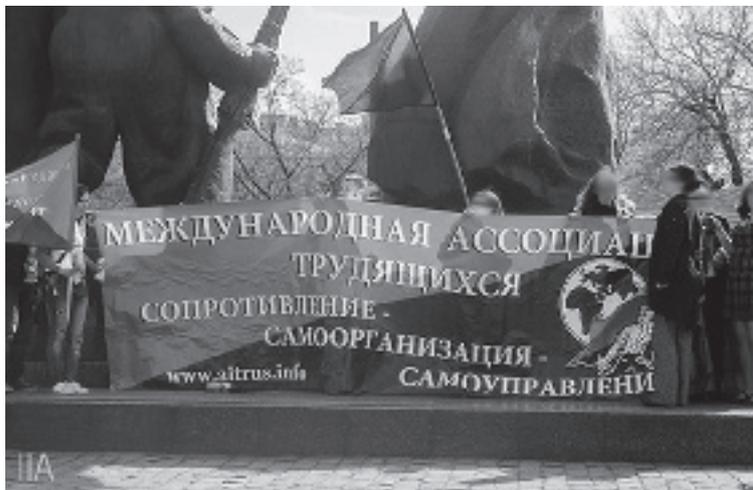
Нам нужны не «честные выборы», на которых «путинисты», либералы, «псевдокрасные» и коричневые дерутся за то, кто будет драть с нас по три шкуры. Нам нужна достойная жизнь!

Мы требуем:

- повышения уровня оплаты труда до среднеевропейского уровня
 - автоматического роста зарплаты, в соответствии с ростом цен
 - 6 часового рабочего дня и 5-дневной рабочей недели без сокращения зарплаток
 - оплачиваемого отпуска на срок не менее 1 месяца и оплачиваемых больничных для всех трудящихся
 - снижения и замораживания цен на основные товары и услуги
 - запрета увольнений без согласия трудового коллектива
 - бесплатных медицины, образования, городского транспорта и услуг ЖКХ
- Любая власть, которая не примет эти требования, должна немедленно уйти!
- Мы не верим, что представительная демократия с ее выборами, президентами, правительствами и Думами сможет решить наши проблемы. Они не имеют права решать и говорить за нас. Только при системе всеобщего самоуправления и «прямой демократии» по месту жительства, работы и учебы мы все сможем стать хозяевами своей судьбы.

Возьмем свою жизнь в свои руки!

Спротивление -- Самоорганизация -- Самоуправление

Первомайский митинг секции Международной ассоциации трудящихся

Для борьбы трудящихся непригодны ни официальные (ФНПР), ни «альтернативные» (КТР и др.) профсоюзы. Первые полностью сотрудничают с властями и начальством и нередко играют роль штрейкбрехеров. Вторые иногда бастуют, но все равно ориентированы на «социальное партнерство». В них все решают профсоюзные чиновники, получающие за это деньги, а рядовые члены бесправны. Нам нужны другие профсоюзы: независимые от властей, начальников и партий, не имеющие платных профчиновников. Такие, где все решения принимаются общими собраниями членов. Профсоюзы, ведущие борьбу не только за сиюминутные улучшения, но и за свободное общество всеобщего самоуправления.

“НЕ ХОТИМ РАСПЛАЧИВАТЬСЯ ЗА ВАШ КРИЗИС!”

Современные движения протеста, охватившие практически весь мир, проходят под общим лозунгом: “Не хотим платить за ваш кризис”. Их участники заявляют, что в глобальном кризисе виновны, в первую очередь, банки, крупные корпорации и правительства, но основной груз тягот и мер “жесткой экономии” ложится на широкие слои населения, в первую очередь, на наемных работников, пенсионеров, безработных, молодежь и другие “социально слабые” категории.

В большинстве стран в первых рядах сопротивления вначале оказались традиционные организации рабочего движения – профсоюзы. Во Франции они провели первую всеобщую забастовку протеста в антикризисной политике президента Саркози уже 29 января 2009 г. Всеобщие забастовки, организованные коалициями с участием профсоюзов, политических, общественных и культурных организаций

вспыхивали в заморских департаментах Франции; их участники добивались остановки роста цен и повышения зарплаты; протесты нередко выливались в молодежные бунты и столкновения с полицией. Протестуя против закрытия предприятий и требуя большей компенсации за потерю рабочих мест, трудящиеся ряда заводов и фабрик в стране выходили на демонстрации, захватывали свои производственные объекты и даже задерживали на время директоров. Пик выступлений пришелся на 2010 год, когда французское правительство провело через парламент пенсионную реформу, которая предусматривала увеличение пенсионного возраста с 60-65 до 62-67 лет и повышение размеров пенсионных взносов. С 2 сентября по середину ноября 2010 г. профсоюзы провели 8 общенациональных дней протеста, сопровождавшихся однодневным символическим прекращением работы в государственном секторе и на транспорте и многоярусными уличными шествиями с участием нескольких миллионов человек. Несмотря на то, что, по опросам, большинство населения поддерживало акции протеста, профсоюзные лидеры так и не решились пойти на объявление реальной всеобщей забастовки, а во время манифестаций строго следили за тем, чтобы борьба проходила строго в их рамках. Многие группы трудящихся, включая рядовых членов профсоюзов, пытались бороться самостоятельно. Более двух недель бастовали работники нефтехранилищ и нефтеперерабатывающих заводов, стране грозила полная нехватка горячего, и власти пытались поставить отрасль под

контроль армии. Наблюдалась тенденция к продлению стачки железнодорожников. Самоорганизованные группы рабочих и низовых профсоюзных активистов блокировали мосты, дороги и препятствовали движению по магистралям или, наоборот, бесплатно пропускали машины по платным дорогам. К протестам присоединились студенты и школьники, начались захваты учебных заведений. Вспыхивали столкновения с полицией. Основной формой борьбы становились общие собрания протестующих. Опасаясь, что протесты выйдут из-под их контроля, профсоюзные лидеры предпочли свернуть движение. Они распорядились о прекращении захвата и

блокады нефтеперерабатывающих заводов и стачек железнодорожников. Отдельные упорные протесты и выступления групп трудящихся, блокады торговых центров и дорог были подавлены полицией. Движение против пенсионной реформы закончилось поражением. Тем не менее, забастовки в отдельных секторах продолжались. Недовольство трудящихся приобрело настолько широкий характер, что новый президент Олланд, победивший на выборах 2012 года, вынужден был, по крайней мере, пойти на некоторые уступки: не отказываясь от “экономии”, он объявил о частичной отмене пенсионной реформы и о введении 75%-ного налога на миллионеров.

Однократные или неоднократные всеобщие стачки протеста против политики экономии были организованы профсоюзами и в других странах, включая Португалию, Италию, Бельгию, Великобританию и др. Некоторые из них продолжались несколько часов, другие были однодневными. Наибольших масштабов достигло забастовочное движение в Греции и Испании – государствах, более других пораженных кризисом: на фоне финансовых и бюджетных проблем и мер “жесткой экономии” там произошел экономический спад, а безработица в 2012 г. превысила уровень в четверть трудоспособного населения (среди молодежи без работы оказался каждый второй). Греческое правительство обратилось в 2010 г. за помощью к «тройке» (Европейскому союзу, Международному валютному фонду и Европейскому Центробанку), и условия ее предоставления предусматривали, в частности, сокращение

бюджетных расходов, приватизацию и проведение реформ, которые тяжело ударили по населению страны: урезание зарплат, сокращение пенсий и пособий, повышение налогов, либерализация увольнений, отмена коллективных договоров. Целые отрасли оказались на грани краха; работники медицины и ряда других служб месяцами не получали зарплату.

Профсоюзы страны отвергли меры экономии и соглашения с “тройкой”. С февраля 2010 г. Грецию практически постоянно сотрясают стачки работников отдельных предприятий и отраслей. Кроме того, неоднократно организовывались всеобщие 24-часовые или 48-часовые забастовки. Марши протеста, которые сопровождали эти выступления, зачастую приводили к ожесточенным столкновениям с полицией и перерастали в многочасовые уличные бои в греческих городах. Несмотря на остроту противостояния, власти страны категорически

отказываются сменить взятый ими курс. Чтобы заставить их это сделать, таких протестов, очевидно, недостаточно.

В Испании профсоюзы выступили против антикризисных мер, которые развернули правительства социалистов, а затем правой Народной партии. Эти преобразования шли, в целом, в одном и том же направлении: повышение пенсионного возраста, увеличение пенсионных взносов, сокращение пенсий, снижение заработной платы и сокращение штатов в государственном секторе, изменение трудового законодательства с целью облегчить процедуру увольнений, сокращение взносов предпринимателей в социальные фонды, поощрение временных трудовых контрактов, сокращение пособий по безработице и принуждение их к низкооплачиваемым работам. Профсоюзы охарактеризовали проводимую политику как “беспрецедентный удар по правам трудящегося класса”.

29 сентября 2010 г., по инициативе крупнейших профцентров (Всеобщего союза трудящихся и “Рабочих комиссий”), была проведена первая за 8 лет всеобщая забастовка. Ее поддержали и другие рабочие организации, включая анархо-синдикалистскую CNT (секцию Международной ассоциации трудящихся); тысячи людей приняли участие в забастовочных пикетах, нередко сопровождавшихся столкновениями с полицией, сотни тысяч трудящихся вышли на улицы и присоединились к маршам протеста. Такая же картина наблюдалась во время всеобщих забастовок 29 марта и 14

ноября 2012 г. Но ни эти выступления, ни многочисленные забастовки в отдельных сферах и регионах, ни стачки и “черный марш” на Мадрид астурийских и леонских шахтеров летом 2012 года так и не смогли повлиять на экономическую и социальную политику. Тем более что лидеры основных профцентров заведомо ориентировались на соглашение, а не конфликт с властями (они поддержали некоторые меры по “либерализации” рынка труда, а в январе 2011 г. договорились с правительством и предпринимателями об условиях пенсионной реформы).

Как справедливо отмечали товарищи из испанской CNT, 24-часовые и даже 48-часовые забастовки не пугают власти и не в состоянии заставить их отказаться от проведения курса на «жесткую экономику» и выход из кризиса за счет трудящихся. «Бессрочная всеобщая забастовка, которая парализует страну до тех пор, пока правительство не отменит антирабочие и антисоциальные меры (...) – таково единственное эффективное лекарство против врожденных заболеваний самой системы». CNT постоянно проводит забастовки на местах и иногда добивается успехов, но ее ряды пока еще не настолько многочисленны, чтобы самостоятельно организовать всеобщие бессрочные стачки.

Там, где профсоюзное движение настроено более решительно, практика бессрочных всеобщих забастовок с успехом применяется. Она принесла определенные плоды, затормозив перекардывание тягот кризиса на плечи трудящихся. Например, в Боливии в конце декабря 2010 – начале января 2011 г. всеобщая стачка работников транспорта и демонстрации протеста горожан вынудили правительство отказаться от либерализации цен на горючее. 11 дней продолжалась бессрочная всеобщая забастовка, объявленная в апреле 2011 г. Боливийским рабочим центром (БРЦ). Это выступление не только парализовало экономику, но и сопровождалось массовыми демонстрациями и маршами протеста, блокадой основных транспортных артерий, дорог и шоссе страны, городских улиц и площадей, ожесточенными столкновениями с полицией. В ходе борьбы шахтеры использовали динамитные шашки. В итоге противостояния власти вынуждены были отступить: повысить заработную плату трудящимся, отменить неоллиберальный экономический закон, отказаться от планов пенсионной реформы и приватизации.

Новая мощная волна забастовочных выступлений охватила Боливию весной 2012 г. На протяжении 53 дней проводили всеобщую стачку работники здравоохранения и студенты медицинских вузов, добиваясь отмены правительственного декрета о продлении рабочего дня в отрасли с 6 до 8 часов в день. БРЦ и отраслевые профсоюзы неоднократно устраивали марши протеста и блокады дорог, а 24-25 апреля и 9-11 мая прошли всеобщие общенациональные забастовки в поддержку медиков и с требованием общего повышения зарплаты. Снова вспыхивали уличные столкновения с полицией. Правительство вынуждено было пойти на значительную прибавку зарплаток и пенсий и приостановить действие декрета о продлении рабочего дня.

В октябре 2012 г. организовали всеобщую бессрочную забастовку медики Эстонии. И здесь властям пришлось отступить и пойти на существенное повышение зарплаты.

Сравнительно успешной оказалась и бессрочная всеобщая забастовка, организованная в январе 2012 профсоюзами Нигерии против отмены государственного субсидирования цен на горючее. Решение правительства привело к стремительному подорожанию бензина и газа, что, в свою очередь, тяжело ударило по бедным слоям населения. Стихийные протесты переросли в бунты, а затем ведущие профцентры предъявили президенту Нигерии ультиматум с требованием восстановить субсидии и вернуться к прежней цене на горючее (65 найр за литр). Демонстранты выходили на улицы с плакатами «65 найр за литр – или революция сейчас же!». Столкнувшись с неуступчивостью правительства, профсоюзные организации объявили всеобщую бессрочную стачку вплоть до восстановления субсидий. Выступление распространилось прежде всего на государственный сектор, услуги, торговлю и банковское дело, и после недели забастовки профсоюзы пригрозили остановить также добычу нефти, парализовав тем самым ведущий источник доходов государства. После этого власти вынуждены были уступить, заявив о возвращении к субсидированию цен, но отказавшись вернуть цены на горючее к прежнему уровню. В свою очередь, профсоюзные лидеры приняли это предложение, опасаясь, что движение протеста может выйти из-под их контроля. Стачка была прекращена.

Всеобщая бессрочная стачка по-прежнему остается наиболее действенным оружием в борьбе против наступления со стороны государства и капитала, но примеров, когда крупные профсоюзы шли на организацию таких забастовок, немного. В большинстве случаев их руководство ориентируется на принципы социального партнерства и стремится избежать радикальных действий, которые могут причинить реальный ущерб экономике, символические же забастовки не дают результатов. Все это побудило недовольную общественность (прежде всего, молодежь) искать иные формы протеста, вне рамок официальных профсоюзных или политических структур. Недоверие к партиям, смена которых у власти не приводит к серьезному изменению социально-экономической политики, и организациям, тесно вписанным в систему истеблишмента, вызвало к жизни новые инициативы и движения. Они носят преимущественно стихийный или самоорганизованный характер. Так появились движения 15 мая в Испании (15M), “Захватите Уолл-стрит” в США, “За социальную справедливость” в Израиле и аналогичные группы по всему миру.

“Проблема не в кризисе - проблема в системе!”

Первоначально новые движения выступали в форме массовых маршей и лагерей протеста. Затем они расширили тематику и фронт борьбы. Так, в Испании активисты ассамблей 15M организуют выступления солидарности с людьми, выселяемыми из своего жилья за долги перед банками, при поддержке соседей физически препятствуя их изгнанию из домов и квартир. В конце 2011 г. и в 2012 г. испанские “возмущенные” принимали участие в большинстве маршей и митингов протеста, которые организовывались

анархо-синдикалистскими и радикальными профсоюзами. В США участники движения “захватов” из ряда городов наладили взаимодействие с радикальной частью рабочего движения.

Пока еще трудно сказать, какую роль предстоит сыграть новым движениям протеста. Они достаточно разнородны по своему составу. Этот протест, отмечал активист испанской CNT Хосе Луис Гарсиа Руа, “включает немало людей, которые вышли на демонстрации с желанием реформировать капитализм и потребовать от системы открыть двери, чтобы дать пространство для улучшения демократии..., но и немало людей, которые убеждены в том, что от системы нельзя ожидать ничего большего, чем иных путей для достижения той же самой цели”. Будущее движения “зависит от того, удастся ли второй части людей... убедить остальных в том, что нужно начать все заново и в направлении, обратном тому, в котором мы шли до сих пор”.

Но было бы неверно утверждать, что протесты против нынешнего капиталистического кризиса ограничиваются лишь выражением недовольства и негодования. Возможно, они не выработали четкого альтернативного сценария общественного развития, но в их рядах имеются инициативы, которые пытаются ответить на политику властей и предпринимателей развитием практической низовой самоорганизации и самоуправления. Разумеется, такого рода проекты не смогут сами по себе остановить наступление “сверху” на социальные права людей, но они не только помогают выжить в нынешних условиях, но и служат примером возможных действий и альтернативных моделей на будущее. О подобных инициативах нередко сообщают, например, из Греции. “Экспроприация супермаркетов, захват принадлежащей государству земли для производства продуктов питания, создание коллективных предприятий и сельскохозяйственных кооперативов, бойкот платы за проезд по автодорогам или уплаты налогов, организованное похищение электроэнергии, – многие люди прибегают к прямому действию, чтобы оказать сопротивление...”, – отмечал в статье о ситуации в этой стране немецкий журналист Р.Драйс. Во многих местностях население, отключенное от электроснабжения за долги, явочным порядком подключалось обратно. Работники различных служб или отдельных предприятий захватывали их и объявляли о продолжении работы на основе самоуправления. Наибольший отклик получил захват работниками больницы в городе Килкис в феврале 2012 г. В распространенном ими заявлении они подвергли резкой критике многомесячную невыплату зарплаты и уничтожение общественного здравоохранения под предлогом “экономики” и призвали трудящихся в стране и во всем мире следовать их примеру. Создаются общественные поля, сады и огороды. Люди учатся действовать вместе, преодолевая социальную разобщенность, навязанную капитализмом и обретая опыт самоорганизации и самоуправления. Остается распространить его на все общество и все иные сферы сопротивления, включая рабочее движение.

“ДИКИЕ” СТАЧКИ РАСПРОСТРАНЯЛИСЬ КАК ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Беседа с Патриком Бондом, директором Центра гражданского общества Южной Африки и профессором университета КваЗулу-Натала о волне самоорганизованных забастовок в стране в 2012 году

ВОПРОС: Так что же произошло? Мы следили за историей южноафриканских горняков платиновых шахт. Каково последнее развитие событий?

ПАТРИК БОНД: Что ж, я был в Марикане несколько дней назад. Это шахта, на которой “Лонмин”, третья по размерам платиновая компания мира, базирующаяся в Лондоне, столкнулась с протестом профсоюзов, длящихся уже около года. Кульминация настала в сентябре. Самым ужасным событием стала знаменитая “Мариканская бойня”, когда 34 шахтера были застрелены насмерть полицией, еще 78 ранены и 270 арестованы. Еще 12 человек были убиты в ходе 2 или 3 недель ожесточенных волнений в “Платиновом поясе”.

Это действительно надо видеть. Очень трудно это описать, но представьте себе засушливую и часто холодную зиму и кипящую жару летом на шахте, где большинство людей живут в общежитиях, если они шахтеры, или в жестяных лачугах, а настоящих домов крайне мало. И это на больших, огромных платиновых шахтах! Около 80% платины в мире добывается в этой стране, где все это существует со старыми земельными владениями африканеров и древними племенными землями – бантустанами эры апартеида. Это смешение бедности и крайнего богатства. Именно в таком контексте рабочие потребовали зарплаты, на которую можно жить. И 34 из них были убиты.

А потом, в результате неослабевавшего упорства стачки, рабочие добились 22%-ного повышения зарплаты – вещь действительно неслыханная в ходе трудовых конфликтов. Здесь они на высшей точке в мире, хотя и не всегда успешны. На Всемирном экономическом форуме в сентябре мы в Южной Африке были названы в глобальном исследовании конкурентоспособности страной с наихудшими взаимоотношениями между капиталом и трудом, а число протестов на душу населения, согласно полицейским отчетам, у нас самое высокое в мире, наряду с Китаем. Так что Южная Африка – место очень и очень интенсивной классовой борьбы.

Вернувшись в Марикану несколько дней назад, я обнаружил, что напряженность сохраняется. Рабочие были распушены на рождественские праздники. Они – рабочие-мигранты и разъехались теперь кто в Восточную Капскую провинцию, кто в Мозамбик, кто в Лесото. А те, кого я застал, были по-прежнему недовольны “Лонмин” и, вполне возможно, возобновят забастовку в

последующем.

ВОПРОС: Во время стачки задавались вопросом, в какой мере она может распространиться на другие платиновые шахты или даже на золотодобывающие и другие шахты по всей стране. В какой степени это произошло?

ПАТРИК БОНД: Это было совершенно необычно. “Дикие” (нелегальные, – перевод.) стачки распространялись, как лесной пожар. Все началось в августе в сфере добычи платины. А потом, когда рабочие Мариканы

завоевали 22%-ное повышение зарплаты, это внушило рабочему классу веру в себя, и люди поднялись на забастовки. Около 100 тысяч горняков, занятых в добыче платины, золота и угля во всем 300-мильном поясе, бастовали все одновременно. Это было невероятно. А их традиционный профсоюз, Национальный союз горняков, оказался попросту неспособен контролировать этот взрыв радикализма. Тем не менее, этот профсоюз сейчас пытается это сделать. И, по иронии судьбы, один из его бывших лидеров, некогда революционер, Сирил Рамафоза стал одним из крупных шахтовладельцев. (На конференции правящей партии АНК в декабре 2012 года он был избран вице-председателем. – перевод.). Он владел 9% акций “Лонмин” и написал несколько электронных писем, которые позднее были преданы гласности в комиссии, созданной после бойни. Эти письма были адресованы его старым друзьям и союзникам в госаппарате – министру полиции, министру горнодобывающей промышленности, а также “Лонмину”, директору компании, и в них он писал, что со всем этим надо немедленно кончать. Это “трусливые преступные акты”, и надо действовать, сообразно обстоятельствам, писал он. Через 24 часа произошла бойня в Марикане.

ВОПРОС: Подождите. Просто для уточнения: он назвал трусливыми преступными актами действия бастующих шахтеров, а не полиции, стрелявшей по шахтерам?

ПАТРИК БОНД: Совершенно верно. В свое оправдание Рамафоза ссылался на то, что за предыдущие 3 дня были убиты двое полицейских и двое охранников. Но телезрители, я уверен, вспомнят о том, что около 3000 рабочих просто сидели на холме, и по ним был открыт огонь резиновыми пулями и пущен слезоточивый газ. Они бросились через колючую проволоку туда, где в итоге оказались. На этом месте были убиты 16 человек. Еще 18 были убиты на прилегающей территории, неподалеку от входа, но вне зоны видимости журналистов – они были на самом деле застрелены в результате невероятно жестоких нападений со стороны полиции. Сейчас полицию критикуют за то, что она стреляла даже по мертвым телам. Ее уличают во лжи и противоречивых показаниях.

И вот что крайне интересно. Комиссия Фарлэма, которая была создана для рассмотрения дела, будет работать, вероятно, еще 2 или 3 месяца. И нет никаких сомнений в том, что действия полиции будут осуждены. Но что обнаружилось на самом деле – и вопрос в том, что с этим можно сделать – это альянс верхушки профсоюзов, менеджмента и правительства, всех верхов против бедных и плохо оплачиваемых рабочих-бурильщиков.

Когда бурильщики взбунтовались, и не только в Марикане, но и по всему “Платиновому поясу”, то это дало толчок к новым “диким” стачкам. Они охватили транспортных рабочих, водителей грузовиков, почти парализовав в сентябре транспортную систему страны. Затем забастовки распространились на муниципальные предприятия, некоторые автомобильные заводы, а потом на Западную Капскую провинцию, где, как знают ваши зрители, расположены огромные винодельческие хозяйства, виноградники, фруктовые сады и другие фермы. Сельскохозяйственные рабочие Западной Капской провинции вступили в необычно мощную забастовку, потребовав минимальной зарплаты в 20 долларов в день, но не добились этого. Импульс и мощь рабочей борьбы пошли на убыль.

Однако когда пройдут нынешние праздники, я предвижу новый подъем классовой борьбы. И государство будет уже куда труднее столь свирепо применить силу, из-за огромного возмущения тем, что оно совершило в Марикане.

*С Патриком Бондом беседовал
Пол Джей, редактор
The Real News Network*

ЭКОНОМИКА СВОБОДЫ

Крушение режимов государственно-капиталистических диктатур в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе доказало, что любые попытки совместить справедливый общественный идеал с сохранением государства и товарно-

оперативного и “эффективного” принятия решений на рынке, как это имело место в киббуцах).

Рыночные отношения - даже самые “свободные” - совершенно несовместимы ни с солидарностью, ни с нравственно-

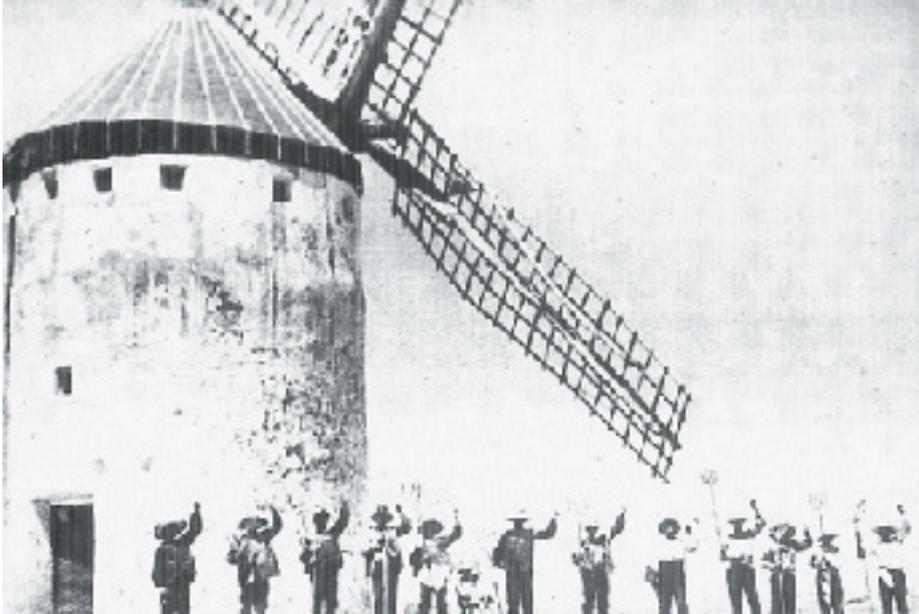
Некоторые предлагают сохранить рыночную (“социалистическую”) модель только на “переходный” период до анархо-коммунизма, с оплатой “по количеству и качеству труда”. Они повторяют марксистские доводы о различии между “социализмом” и “коммунизмом”, о “перерастании” первого во второй и об условиях такого перерастания (более высокая производительность труда, изобилие, высокая сознательность и т.д.)

Эти чисто продуктивистские аргументы еще можно было бы обсуждать всерьез лет тридцать назад, до наступления экологического кризиса. Сегодня абсолютно ясно: справедливое общество может строиться только на экологической гармонии. Если человечество хочет выжить, то не только о росте, но в ряде отраслей даже о сохранении уровня производительности труда развитого капитализма не может быть и речи. А уж тот, кто связывает коммунизм с “изобилием” в традиционном смысле слова, рискует вообще никогда его не дождаться: неограниченный рост экономики в ограниченной системе планеты Земля невозможен.

Трудно согласиться и с мыслью о том, будто “оплата по количеству и качеству вложенного труда” наиболее результативна и приемлива, если мы хотим избежать незаинтересованности и пассивности со стороны трудящихся. Равнодушие людей к их собственному труду возникает тогда, когда они не могут сами контролировать его ход и результаты, не ощущают его общественной значимости, не представляют себе смысла и цели трудового процесса в целом. Это естественно при наличии отчуждения и детального (“тейлористского”) разделения труда при современном индустриальном производстве, и никакое “материальное стимулирование” не в силах здесь что-либо изменить. Зато в аграрных коммунах революционной Испании и в киббуцах с коммунистической системой распределения люди понимали, зачем и для кого они работали, и трудились ничуть не хуже и не менее результативно, чем на капиталистических предприятиях.

Всерьез вести речь об оплате по количеству и качеству вложенного труда могут только те, кто вслед за марксистами полагает, будто эти вложения вообще можно измерить. В действительности же это невозможно. Любой общественно необходимый труд равноценен; нет возможности определить какому количеству труда, например, инженера равно какое-то количество труда крестьянина или водителя автобуса. Производительность труда может быть случайной и зависеть от очень многих факторов, вообще не поддающихся учету. Наконец, при современном производстве в любом изделии заключен труд тысяч и тысяч людей, даже нескольких поколений. Да и кто будет определять и устанавливать это “количество и качество” труда? Новая власть?

Попытки установить новую общественную иерархию “по труду” приведут только к нарушению равенства и солидарности, к возникновению новой привилегированной элиты “работоспособных”, “квалифицированных” и преуспевающих, к установлению власти новых “стахановцев” и ударников “социалистического труда”. А для защиты

В период Испанской революции 1936 - 1937 г. около 300 тысяч из 500 тысяч жителей региона Арагон состояли в вольных сельскохозяйственных коммунах (“коллективах”), которые были объединены в федерацию

денежных (рыночных) отношений обречены на неминуемый провал. Коммунистический анархизм всегда предсказывал марксистским утопиям именно такой конец; он ни в коей мере не дискредитирован опытом социал-демократии и партийно-государственного “коммунизма”, а потому нет никакой необходимости “дополнять” его заимствованиями из этих учений, которые потерпели полный крах.

Идея “рыночного социализма” основана именно на таких заимствованиях. Она родилась в головах социал-демократических теоретиков и была взята на вооружение партийными реформаторами, что, однако, не спасло “коммунистический лагерь”, а ускорило экономическую катастрофу. Тем не менее, многие левые - включая часть анархистов - подхватили мысль о соединении социализма и рынка, сочтя ее альтернативой централизованному “планированию”.

Между тем попытки антигосударственных, антиавторитарных социалистов сочетать справедливое общественное устройство с рыночными отношениями всегда проваливались. Они вели либо к своеобразному “коллективному капитализму” (так произошло, по описанию Г.Леваля и Д.Абада де Сантильяна, с некоторыми коллективизированными предприятиями во время испанской революции: они сохранили деньги и систему заработной платы и продолжали вести хозяйство эгоистически, на свой страх и риск), либо к ограничению самоуправления за счет расширения полномочий менеджеров (с целью более

стью, ни с самой свободой. Французский философ-экологист А.Горц показал в книге “Критика экономического разума”, что как при централизованно-бюрократической, так и при рыночной системах воля человека скована, а его деятельность и вся жизнь общества ускользает из-под его сознательного контроля. Так, когда люди подчинены безликим и не зависящим от них законам рынка, которые невозможно проконтролировать, результаты несогласованной деятельности индивидов не соответствуют их воле и желанию. Эти результаты случайны, как в термодинамике. Между тем, свобода - это возможность осознанно управлять своей собственной жизнью (самоуправление). Социопсихолог Э.Фромм (“Иметь или быть”) дал блестящий анализ так называемого “рыночного характера”, показав как рыночные отношения разлагают и деформируют человеческую личность: она превращается в объект купли-продажи, в товар, который сам стремится выгоднее продать себя и развивает в себе только те качества, которые могут быть “куплены”. Все отношения между людьми подчиняются эгоистическим, утилитарным принципам выгоды, любая деятельность становится проституцией, а взаимопомощь и солидарность исчезают, сменяясь взаимной войной “всех против всех”, войной между озлобленными и завидующими друг другу индивидами.

Рыночные отношения не могут существовать в действительно свободном и солидарном обществе - они неизбежно и неминуемо разрушат его.

их власти и привилегий снова потребуются государственство.

Разумеется, в свободном анархо-коммунистическом обществе и на первых порах сохраняются индивидуальные хозяйства, не эксплуатирующие чужой труд - мелких крестьян, ремесленников, кустарей. Они не будут подвергаться принудительной экспроприации, а подлежат добровольному постепенному кооперированию. Но было бы тяжелейшей ошибкой строить отношения в уже социализированном хозяйстве на тех же основах, что в индивидуальном "секторе", иначе этот последний неизбежно подчинит себе экономику в целом. Вплоть до полного обобществления мы будем иметь дело с двумя совершенно

различными, пусть и взаимодействующими хозяйственными системами, причем в большей из них - социализированной - следует с самого начала установить коммунистические принципы распределения: свободное потребление того, что имеется в избытке и общественное распределение всего остального пропорционально индивидуальным потребностям (Кропоткин), от каждого по его индивидуально различным способностям, каждому по его индивидуально различным потребностям (принцип киббуца). Отношения с индивидуальными хозяйствами могут строиться на основе прямого продуктообмена, договорного доступа этих хозяйств к социализированным благам и услугам, транспорту и т.д. Преимущество при этом следует отдавать кооперативам.

Отношения в социализированном (коммунистическом) "секторе" с самого начала будут не рыночными, а ориентированными на потребности реальных людей. Экономика свободного общества будет планируемой в подлинном смысле слова. При государственно-капиталистической диктатуре "планирование" было фальшивым, поскольку осуществлялось не снизу, "от потребителя", а сверху, из центра. Теперь же ассоциированные производители и потребители смогут совместно и солидарно определять, что, где и как будет производиться и потребляться, а на основе свободного договора "снизу вверх" сможет обеспечиваться взаимная координация потребностей и производственных возможностей. Пути такого "планирования снизу" подсказаны практическим опытом реально существующих коммун и потребительских кооперативов: потребители будут суммировать свои потребности на регулярных общих собраниях местных ассоциаций и координировать затем эти решения с производственными возможностями в экономических органах коммун или на их общих собраниях с делегатами от ассоциированных производителей. Коммуны, объединенные в региональные и межрегиональные федерации, самоуправляющиеся производители и потребители смогут, совместно и солидарно суммируя и координируя потребности и возможности с помощью

статистики, через делегатов на конгрессах коммун и в экономических советах различного уровня, развивать более крупные хозяйственные объекты, которые служат всем или нескольким коммуна.

"Планирование" экономики анархического общества не должно быть централи-

Солнечная электростанция в современной израильском киббуце Самар - коммуне, основанной на анархистских и экологических принципах

зованным. Далеко не все необходимо координировать на уровне региона, континента или планеты. Здесь уместен иной принцип. Регион не должен брать на себя то, что одна коммуна в состоянии сделать сама, на затрагивая интересы других. И регион может управиться сам с большинством своих проблем, которые он в состоянии разрешить сам. Поэтому экономика анархизма ориентирована на максимально возможное (хотя, разумеется, не полное) самообеспечение. Это позволит, помимо прочего, смягчить экологические, сырьевые и транспортные проблемы и приблизит производство к потребителю.

Многие экономические и экологические проблемы современного общества порождены именно тем, что производится не то, что действительно необходимо конкретным потребителям, а то, что им могло бы понадобиться с точки зрения разрозненных производителей. То есть никто не знает заранее, нужно ли людям то или иное производимое изделие, это определяет затем рынок или бюрократ.

В свободном экологическом обществе все должно быть иначе. В свободном обществе экономика начинается с потребителя. Потребительские ассоциации, объединения жителей вместе с синдикатами работников распределительных центров в городских кварталах и в сельской местности занимаются выявлением текущих и перспективных потребностей жителей (не что вроде системы заказов) и передают статистические материалы в экономический совет коммуны, который вместе с делегатами от синдикатов и от потребительских ассоциаций, опираясь на статистику, определяет, что из необходимого коммуна может произвести своими силами, для чего требуются продукты или участие извне и какие изделия или услуги коммуна может предоставить жителям других коммун. То, что коммуна в состоянии сделать для себя своими силами, делается на местном уровне и не требует координации с другими. Все остальное координируется с другими коммуна на том уровне, на котором необходимо. Координация осуществляется с помощью статистики на экономических

конгрессах делегатов от коммун и затем ратифицируется самими коммуна (никто не может заставить коммуна участвовать в том или ином общем проекте, но в таком случае никто не может заставить другие коммуны продолжать иметь с ней дело) То есть производиться должно именно то,

что действительно необходимо конкретным людям или группам людей. Распределение будет осуществляться через те же распределительные центры, которые собирают потребности и информацию, безвозмездно, но по предъявлению потребителями индивидуальной карточки с указанием, что они оработали договоренное членами коммуны рабочее время, или детской, или пенсионной карточки (для

неработающих и больных). По мере развития новых общественных отношений можно будет осуществлять разукрупнение гигантских городов, экологизацию общественной и индивидуальной жизни, перераспределение труда в обществе (в том числе между полами), так чтобы постепенно жесткая специализация труда отошла в историю, а труд превратился в творческую и доставляющую удовольствие созидательную игру.

Хозяйственная система нового общества может быть только экономикой всеобщего самоуправления, экономикой свободы. Не профессиональные управленцы, бюрократы и директора должны регулировать производство, а сами трудящиеся. Общие экономические решения предстоит принимать всем - на общих собраниях потребительских ассоциаций и коммун или (через делегатов с императивным мандатом) на их конгрессах, а непосредственное руководство производством сосредоточится в руках самоуправляющихся трудовых коллективов, созданных ими технических советов и синдикатов, объединенных в двойную (отраслевую и территориальную) федерацию.

Все это, разумеется, только общие и принципиальные соображения. Есть множество деталей, которые невозможно предугадать и уж тем более - отразить в небольшой по объему статье. Ответ подскажет практика свободного общества. Пока же важно сознавать одно: люди, желающие выжить в достойных условиях, вынуждены будут отказаться от господства над природой и над себе подобными. Но это означает именно коренное изменение процессов и путей принятия общественных и экономических решений, замену внешнего регулирования (со стороны бюрократии или стихийных рыночных законов) самоуправлением и федеративным договорным "планированием" снизу

Иными словами, анархическое общество будет обществом без бюрократии, без денег и без рынка, или его не будет вообще.

ПАТРИОТ - ВРАГ ТРУДОВОГО НАРОДА

Изначальные истоки доктрин национализма сводятся к двум основным моделям – либеральной и натуралистической. Первая восходит к течениям, представленным Гоббсом, Локком, Монтескье и Руссо, кульминацией которых стала Французская революция.

Эта доктрина формулирует идею нации как противоположности политической власти абсолютной монархии. Требование политической роли для Третьего сословия, а точнее, для буржуазии, несло на себе печать концепции нации как “тела, состоящего из членов, которые живут по общему закону и представлены одним и тем же законодательным органом” (Сийес). В этом определении содержится вся либеральная и революционная нагрузка этой новой концепции нации: только перестав быть подданными и превратившись граждан, все смогут сформировать общий для всех законодательный орган, рожденный из политической воли граждан. Мы имеем дело с либеральной, рационалистической, утилитаристской, индивидуалистической и, прежде всего, юридической концепцией нации. Согласно этой концепции, Испания, например, является нацией.

Натуралистическое течение национализма основывается на идее культурной общности. Эта аргументация была развита в основном двумя немецкими философами: Гердером и Фихте. Это националистическое течение возникло в определенный историко-политический момент как реакция на идеи Просвещения и позитивизма, которые питали все социалистические школы 19 века (включая и анархизм). Просветительским идеям, основанным на космополитизме, рационализме и, прежде всего, на концепции, что каждый человек – это самоцель, а не средство, на том, что мы можем назвать “человеческим достоинством”, эти романтические течения противопоставляли натуралистическую концепцию нации. В ней народ рассматривается как метафизическая сущность, стоящая над отдельными людьми, определяемая общей культурой, языком, историей, религией и обычаями. Проявлением всего этого служит “Volkgeist” (“дух народа”), от которого индивид не может отказаться и которому он обязан подчинить себя.

К такому натуралистическому видению нации Гердером и Фихте, в условиях оккупации Германии Наполеоном, прибавилась необходимость построить политическую организацию, государство. Оно должно было развивать эту идентичность и противопоставить ее

всем другим государствам-нациям. Такова идеология, придающая форму всем современным идеологиям твердолобого национализма. Согласно этой концепции, Испания – это государство, абсорбирующее различные нации.

Как в процессах создания национальных чувств в консолидировавшихся государствах, так и в националистических движениях, которые только надеются на обретение их сообществом своего государства,

старались пропагандировать нечто обратное, основываясь на ином понимании человека: существует одна-единственная человеческая природа, разделенная затем на классы и касты, на господ и рабов, и дезорганизованная в государствах.

С анархистской точки зрения, никакая либертарная организация не может поощрять использование языка для упомянутых целей. Ни CNT, ни какая-либо другая либертарная организация никогда не считала и не считает своей задачей, например, бороться с кастильским языком в Галисии, Стране басков или Каталонии. Ведь анархизм развивает совсем иные признаки идентичности, противоположные национализму.

Анархизм не ставит перед собой цель горячо восхвалять традиционные ценности, языки, территории и культуры, якобы унаследованные от предков. А националисты как раз и превозносят якобы чистые и унаследованные от предков идентичности, чтобы обосновать политическую структуру на территории, которой они в будущем рассчитывают управлять.

В свое время анархисты взяли на вооружение эсперанто, чтобы сделать из языка всего лишь средство общения, а не инструмент для делания политики. И CNT, когда она была сильна, не участвовала в языковых кампаниях, целью которых было “создание родины”. Вот почему анархисты, издавна и до сего времени, не имели ни малейшего отношения к этим

- Классы? Социальные противоречия? Это все выдумки анархистов, смутьянов и космополитов. Мы же с тобой принадлежим к одной нации, к одному этносу!

можно обнаружить некоторые общие представления: 1) человечество от природы было разделено на нации; 2) каждая нация обладает своим особым характером; 3) нация – это основа любой политической власти; 4) люди должны отождествлять себя с той или иной нацией, чтобы обладать свободой и самореализоваться; 5) нации могут реализовать себя лишь в своих собственных государствах; 6) верность нации стоит прежде всех иных обязательств; 7) главным условием свободы и гармонии в мире является укрепление нации и национальной культуры. Все эти положения не обладают ни малейшей строгой научностью, поскольку факты свидетельствуют совсем о противоположном. Именно поэтому I Интернационал справедливо определял национализм как религию современного государства.

Для развития этого чувства культурной и территориальной идентичности националисты прибегают к использованию в качестве инструмента такой вещи, как язык. Таким образом они отделяют друг от друга, сталкивают друг с другом и проталкивают однородные и противоположные территориальные идентичности. Все школы социализма, имевшиеся в I Интернационале,

глупостям.

С точки зрения биологии, человеческий род как общность есть сам по себе идентичность. Ведь даже если из всех людей выживет только какое-нибудь одно африканское племя, скажем, кикуйу, человеческий генетический материал будет сохранен практически на 100%. С точки зрения прав, никто не имеет большего или меньшего права родиться в том или ином месте, быть той или иной расы, пола или говорить на том или ином языке. С точки зрения культуры, с незапамятных времен не существует культурно однородных или чистых территорий и языков, поскольку эндогамия, к счастью, исчезла со времен Марко Поло. Более того, эти культурные признаки национальной идентичности есть составная часть контроля и социального разделения, организованного в государство, – того, с чем ведет борьбу анархизм. Вот почему анархизм – сторонник социальной справедливости и культурного прогресса, а не увековечения традиций и границ.

Языки, традиции, обычаи, территории и т.д. не имеют права на людей. Наоборот, мы, люди, властны над языками, обычаями, территориями и т.д., с тем чтобы изменять их, ликвидировать их или заново

определять свои отношения с ними... Как это уже происходило на протяжении человеческой истории и как это делало либертарное движение, поддерживая международный язык и создавая в вольной коммуне (а не в провинции, регионе или стране и т.д.) территорию, на которой мы можем осуществлять общественное самоуправление нашей жизнью на основе прямой демократии. Ведь именно на этой территории мы живем и вступаем в отношения с другими людьми. Цель федераций производителей будущего свободного общества состоит отнюдь не в том, чтобы предложить новое издание границ, знамен, языков или национальных идентичностей, а в том, чтобы обеспечить развитие и координацию экономики этих свободных общин, пользующихся широкой автономией.

Более того: анархизм – сам по себе культура! Исходя из просветительских и позитивистских идей, анархисты 19-го века разработали форму жизни и общественную программу будущего, программу прогресса.

Прогресс, достигнутый в конце 19-го века в науках о здоровье людей и в естественных науках, в инженерном деле, градостроительстве, науках об образовании и в других общественных науках, соединился с либертарной философией, дав жизнь новым формам отношений между людьми, жизни, чувств и мышления. Питание, гигиена и здравоохранение, нудизм, эсперанто, семья, рациональная школа, природа, город-сад и т.д., – все это составляло ныне забытую либертарную культуру, которая не погрязала в традициях, религиях и исторических обычаях, не имеющих в себе ничего революционного или народного.

Бездарность сегодняшних активистов и приход оппортунистов в движение, ослабевшее уже с середины 20-го века, ответственны за многие сказанные и все еще говоримые глупости. Они ответственны за патетическую картину либертарного

движения, неспособного собрать культурный багаж, умение и ценности, оставленные нам нашими товарищами.

Анархист прошлого счел бы глупостью уловки анархо-индепендентистов (сторонников независимости народов или территорий) или ситуацию, если CNT в одном регионе повела бы кампанию в пользу того или иного языка, борясь с другим, подчеркивая мнимую воображаемую границу, требуя территории и возмещения мнимых исторических обид.

Разве нам следует обращать внимание на этот конфликт между централистскими и периферийными хамами, становясь на сторону тех или других? Фрейдовскому конфликту, выдвигаемому национализмом, нет места в либертарном движении. Если в Галисии, Стране басков и Каталонии сегодня говорят в большинстве своем на двух языках, мы не должны требовать, чтобы разговаривали только на одном, или отказываться в нашей пропаганде от использования одного из двух, опираясь на мнимые историко-территориальные права. Ведь анархисты ведут речь об идеале в сфере этики, свободы, позитивных прав и обязанностей человека, о том сегодняшнем, что может быть перенесено в новое будущее общество, – а не об идеале, закрепленном в повиновении и восторгах по поводу традиций и устаревшего фольклора, по поводу языков, "образующих родину". Анархизм не культивирует национальную гордость

– он продвигает вперед новое, поистине человеческое сообщество, являющееся носителем новых ценностей.

Мы, люди, – не инструменты на службе у кого-либо или чего-либо, навязанного нам, высшего по отношению к нам и не подвластного нашим решениям, нашей сегодняшней реальности (именно из нее растут наши корни). Разговоры о чистых, сталкивающихся с незапамятных времен культурных идентичностях, коими нам следует гордиться, радикально противоположны либертарному делу. Не говоря уже о том, что они совершенно ложны и по-детски несерьезны. Что изображают эти идентичности? Что в них позитивного? Да существуют ли они вообще, на самом деле?

Вступая в языковую войну на стороне "централистов" или "периферийников", мы вступаем в войну воображаемых территориальных идентичностей. Так нас поглощает политический идеал, не имеющий ничего общего с нашей либертарной идентичностью, на вершине которой стоит человеческое достоинство, а не территория, исторически очерченная ее правителями (или такая, которую желают очертить). Если сегодня в Галисии, Стране басков или Каталонии говорят на двух языках, то это не имеет большого значения для подавляющего большинства людей, живущих бок о бок друг с другом. А тот, кто хочет внести этот вопрос в либертарное движение – тот стремится совсем к другим вещам, что бы он там ни говорил...

Моя семья – все человечество, а моя родина – весь мир... Это не романтическая фраза, это программа будущего. И я не собираюсь пятиться назад, чтобы отыскивать в прошлом мнимый золотой век утраченной чистоты, о котором говорил, но в который сам не верил Жан-Жак Руссо.

*Хуан Армада
"cnt", No.350. Noviembre 2008*

ОБЩЕСТВО

ПОКА ТЫ СПИШЬ, ТОВАРИЩ...

Пока человек спит, жизнь вокруг него бурлит. Пока человек спит, находится в состоянии глубокого сна, его могут таскать с места на место, орать у него над ухом, или воровать из кармана. Спящий будет продолжать спать.

Вот и ты спишь, товарищ пролетарий – наемный работник умственного и физического труда. И спишь очень глубоким сном. А в это время тебя пинают все дальше вниз, вглубь твоей социальной ниши, обкрадывают тебя и твоих близких, подчас забирая буквально последнее. Чиновники, бизнесмены и политики разных мастей – все они хотя и пользуются твоим беспомощным положением, пока ты не в состоянии им ответить.

Пока ты спишь, тебя к тому же еще и связывают по рукам и ногам, и ты в итоге, даже очнувшись от своего глубокого (летаргического?) сна, не можешь оказать сопротивление наглцам и нахам, если конечно тебе никто не поможет, или ты не найдешь в себе силы разорвать опутавшие тебя сети. И, чем дольше ты спишь, тем крепче эти путы на тебе затягивают.

Но не все безнадежно, товарищ пролетарий, ведь пока ты спишь, орудут

не только чиновники, политики, воры и палачи. Пока ты спишь, происходят и другие события. Происходит тот самый «шум», который ты не слышишь в своем глубоком сне. А ведь это не просто шум: это твой брат – Мировой пролетариат поднимается на борьбу, и звук отдельных голосов, пусть даже это изначально всего лишь шепот, сливается в мерный гул недовольства.

Конечно же, гул сам по себе не способен еще переменить ситуацию, заставить отступить, а еще лучше удрать прочь, побросав все свои манатки, воров, да политиков. Однако же этот гул служит напоминанием – у людей еще есть чувство собственного достоинства.

Более того, примеры Боливии, ЮАР и Словении показывают, что и сегодня вор может быть напуган до дрожи в коленках. Все большую силу обретают недовольные в США, Испании и других странах. Да, все они не идеальны, но все они показывают своим злейшим врагам кулаки и зубы, и не намерены сдаваться без боя. Более того, они намерены победить.

Но у тебя, товарищ пролетарий, пока ты спишь, – нету ни на что даже малейшего шанса. Ни на что, кроме как на очередное

обирание и унижение. Тем более что путы увещеваний и обмана становятся все туже и жестче, постепенно превращаясь в удавку, которую затягивают на твоей, ставшей уже тощей шее.

Обязан ты просто обязан проснуться. Обязан очнуться от сна и прогнать прочь всех этих воров, чиновников, политиков, палачей, насильников всех оттенков и мастей, всех этих зажавшихся дармоедов.

Проснись, и напхни им, что они являются хозяевами жизни лишь до тех пор, пока им это позволяют делать твои пассивность и бессилие, но что ты способен быть распорядителем собственной судьбы.

А проснувшись и дав пинка всем паразитам, облепившим твое пока еще беспомощное тело, не позволяй им вновь усыпить тебя своими сладкими сказками о дармовых радостях одомашненного раба. Вместо этого гони всех этих сказочников прочь, чтобы они раз и навсегда забыли дорогу в твой дом, в котором для таких, как они, более никогда не должно не найтись места, даже в самом темном из всех углов.

К.С. Бессмертный

90 лет воссоздания Международной Ассоциации Трудящихся

Учредительный конгресс анархо-синдикалистского Интернационала, Международной ассоциации трудящихся (М.А.Т.) собрался на рубеже 1922 / 1923 гг. на фоне мощных социальных потрясений. Всего несколько лет назад закончилась Первая мировая война, а за ней немедленно последовали революционные движения во многих странах, и они наложили мощный отпечаток на развитие всего мира.

В период войны социал-демократический Интернационал развалился, а входившие в него партии выбросили интернационализм за борт. Их лидеры активно поддерживали войну во имя "своих" стран. Одновременно распался и Интернационал реформистских профсоюзов.

По окончании войны стали предприниматься попытки восстановить международные организации. В 1919 г. на конгрессе в Москве был организован Коминтерн. В том же году на конгрессе в Амстердаме был воссоздан Интернационал профсоюзов. В 1921 г. на конгрессе в Вене был создан новый социал-демократический Интернационал; его главным мотором был австриец Фридрих Адлер. Эта организация объединилась со старым социал-демократическим Интернационалом в 1923 г.

В 1921 г. на конгрессе в Москве, по инициативе коммунистов, был основан так называемый Красный Профсоюзный Интернационал. Эта организация прилагала большие усилия с тем, чтобы привлечь в свои ряды и синдикалистов (членов революционных профсоюзов), но синдикалистские организации не желали участвовать в профсоюзном Интернационале, руководимом политическим движением, в данном случае – компартиями.

С 25 декабря 1922 г. по 2 января 1923 г. делегаты из 10 стран, представляющие около 2 млн. организованных трудящихся, провели конгресс в Берлине. На этом конгрессе был создан анархо-синдикалистский Интернационал – М.А.Т.

Конечно же, власти не могли позволить конгрессу работать беспрепятственно. Участникам было необходимо соблюдать осторожность, поскольку некоторые из делегатов прибыли в Берлин нелегально, без ведома полиции. В первый день конгресс проходил в здании на окраине Берлина. Планировалось продолжить его на следующий день в другом месте,

но полиция была уже начеку, и делегатам пришлось разослать секретное послание о проведении встречи в третьем месте – в Нидер-Шёнвайде, другом районе Берлина. Работа проходила нормально, пока вечером в здание неожиданно не зашел полицейский патруль и потребовал от делегатов предъявить документы. Немецкие товарищи громко протестовали и, в свою очередь, потребовали от полиции бумаги, которые уполномочили ее на такого рода действия. Таковых у патруля не было, и ему пришлось удалиться, оставив двух полицейских следить снаружи. Тогда делегаты конгресса толпой высыпали из дверей на улицу, оттолкнули полицейских и скрылись.

На следующий день конгресс собрался вблизи Александер-плац, в центре Берлина, неподалеку от штаб-квартиры полиции. В этом доме конгресс в течение нескольких дней заседал без помех. Но однажды перед полуднем последовало новое полицейское нападение. Все здание было окружено полицией с ружьями и с револьверами и гранатами на поясе. Она силой проложила себе дорогу в зал заседаний, а делегаты тем временем подняли шум и энергично протестовали. Один из делегатов, у которого не было документов, выпрыгнул из окна, но был схвачен находившимися снаружи полицейскими. Польский делегат, тоже не имевший документов, оказал сопротивление полиции и был сбит с ног. Тогда французская делегатка выскочила вперед и ударила полицейского офицера в лицо сжатым кулаком. Ее арестовали и вместе с несколькими другими отправили в тюрьму Моабит. Всех делегатов обыскали с ног до головы.

После всего этого полиция покинула дом, и конгресс продолжался. На нем была основана Международная ассоциация трудящихся (М.А.Т.). Синдикалистский Интернационал прошел через Вторую мировую войну, когда все другие Интернационалы развалились, и продолжает работу и сегодня.

Йон Андерссон

<http://iwa-ait.org/archive/1922.html>

Издание выпускается с 1994 г.

e-mail: comanar30@gmail.com
Наша страничка:
www.aitrus.info

АНАРХО СИНДИКАЛИЗМ

это анархистское течение в рабочем движении, которое считает революционные профсоюзы трудящихся основным средством борьбы за социальное освобождение и свободу человеческой личности. Он отвергает любые партии и выборы и признает только непосредственную самоорганизацию людей труда. Развивая навыки самоорганизации и солидарности в повседневной борьбе за улучшение жизни и расширение прав наемных трудящихся, против произвола капитала и государства, проводя забастовки и другие акции протеста, анархистские рабочие союзы тем самым готовят Социальную революцию и торжество либертарного (вольного) коммунизма.

Наши цели:

- Замена государства общественным самоуправлением, свободным объединением людей в коммуны и их федерации вплоть до всемирного уровня. Всеобщее вооружение народа для поддержания порядка и обороны.
- Организация труда ассоциациями производителей на основе самоуправления. Передача функций координации и планирования экономики коммунам и ассоциациям. Переход собственности в руки самоуправляющихся объединений коммун и трудовых коллективов.
- Ликвидация денег и наемного труда.
- Свободное развитие каждой человеческой личности во всех ее проявлениях.

Тираж: 999 экз.